

Илья Муромец (Коргуев)

Во городе во Муроме, во селе Карачарове жил-был прожиточный человек. У их не было никого детей. Они жили до глубокой старости и стали у бога просить, чтобы дал им бог какого-нибудь детища, и вот тогда родился у них сын, назвали ёго Ильёй. Он был на родах испорчёной и лежал без рук, без ног. Отец-мать ёго плакались: «Вот бог даёт людям детище, при старости опору, а при смерти на помин души. А нам дал калику без рук, без ног». И пролёжал Илья ровно тридцать лет.

Раз ушли отец с матерью на поле, и приходят к нёму две калики перехожие и просят милостинку Христа ради. Он начинает им говорить: «Ох, калики перехожие, не могу я встать, не могу я встать и вам милостину подать. Вы откройте шкаф да возьмите себе, что надо». Потом стал их спрашивать: «А что на Руси делается? Как живет Соловей-разбойник?» Он раньше слышал про Соловья. Отвечают калики перехожие: «Да что Соловью жить? Живет он неплохо. Загородил дорожку прямоезжую и царствует тридцать лет, и сидит он на двенадцати дубах. Раньше до Киёва было езды три дня, а теперь в объезд три года. Сидит Соловей и свищёт по-соловьему, и лаёт, собака, по-собацёму, и кричит, зверь, по-звериному. Но-ко, вставай, Илья, прошел твой срок тридцать лет, подымай-ко свои руки, ноги резвые», — говорят калики перехожие.

Вот Илья нацинает руку подымать, подымается. Стал ногу растягать, растягается: и стал Илеюшко на ноги. Говорит калика перехожая: «Ну-ко, принеси у отца из погрёба пива эту чашку полную». И пошел Илья в глубокой погрёб, и зацерпнул эту чашку пива полную, и приносит эту чашку калике. Калика передаёт другому калике. А этот передает чашку Илье: «На-ко, пей Илеюшко, эту чашку пива, и мы спросим тебя, каково будет?» Когда выпил Илья на один дух, и спросили калики: «Ну, каково, Илеюшко, в себе поцувствовал силушки?» Отвечат Илья каликам перехожиим: «Во мне силушки? Как бы был столб от земли до неба, в том столбе золото кольцо, и я бы за это схватил кольцо, и перевёрнул бы всю землю-матушку». То говорит калика другому: «Церез меру мы силы Илье дали, надо сбавить, а то не будет ёго носить мать сыра земля». Потом сказали Илье Муромцу: «Ну-ко, сходи, Илья Муромец, принеси чашку пива из погрёба». Вот пошел Илья второй раз за пивом. Приносит чашу пива и передаёт калике перехожей. Калика передал второму и дает пить Илье Муромцу: «Ну, пей, Ильюшенька, теперь втору чарочку». Выпил Илеюшко на единый дух. И спросил калика перехожая: «Ну,

каково, Илеюшко, чувствуешь в себе силушки?» — «Во мне силушки во половинушку», — отвечает Илья Муромец, сын Иванович.

Да, говорит калика опять переходя: «Ну, Илья Муромец, сын Иванович, тебе смерть не писана во цистом поле. Со всема сражайся на белом свете, только не сражайся с одним со Святогором с богатырём. Святогора-богатыря мать сыра земля не носит, и он только ездит по крутым борам, скацёт на своём добром коне. Да, потом не сражайся с родом Никулиным. У роду Никулина ангельской волос есть, не победить тебе ёго, и ёму тебя, да еще не сражайся с Иваном Деревенщиной, у нёго тоже есть ангельской волос: он знает про житьё-бытьё и что деется на святой Руси». Теперь ему еще говорят: «Ну, Илеюшко, твой конь только сейчас родился, на котором ты будешь ездить. Вот ты пойдешь из своего города, и зайдёшь в одну деревёнку, и стретишь — старик ведёт трех лошадей. Одна лошадь во тысяцу рублей, друга лошадь в две тысячи, а третья лошадь — уже цены нет. Залагай отцовско имущество и откупи эту лошадь, она будет по виду хуже всех. Потом корми эту лошадь один год и уж после этого поезжай куда хошь. Вот и поезжай, поклонись ко гробу господнему, поклонись гробу этому и до тех пор не кровавь своего меца. И тебе, Илеюшко, когда будет очень трудно, то спомяни нас, тебе будут в цистом поле такие случия. И когда ты спомнишь нас, в тебе силушка прибавится непомерна: победишь противника в любую порушку».

И разошлись калики переходящие. И пошел Илеюшко на белой двор: подбирать житьё-бытьё отцовское — стал распахивать белой двор. И вдруг идёт ёго отец и мать. Мать и говорит отцу: «Ну-ко, смотри, отец, полюбуйся-ко, смотри, Илеюшко пашет наш белой двор». — «Ох, ты, баба моя женоцка, ты ведь глупа совсем, разве мыслимо, что цёловек лежит без рук, без ног тридцать лет, разве может он пахать наш белой двор?» Она говорит опять ёму: «Да смотри, ведь это Илеюшко пашет наш белой двор». — «Ох, ты, глупая баба, если бы ты не жена мне была, я бы тебе за это голову срубил, где же он может пахать, как такой расслабленной был?»

Когда пришли уже совершенно близко, тогда отец уверился. Вот подошли к нему рядом, и так сильнё обрадели, и прославили бога. «Ну, родился нам сын, хоть и не в утеху при младости, но будет опорой при старости и после смерти на упокой души». Тогда заговорил им Илья Муромец, сын Иванович: «Ну, отец и мать родна, я родился, сын, в младости не утехой был, а лежал тридцать лет без рук, без ног, и под старость вам не кормилец буду, и при смерти вам не на помин души. — Сразу все рассказал. — А вот теперь пойду я искать себе добра коня, и потом поеду поклонюсь гробу господнему, и прочищу путь-дорогу прямоезжую. Там проеду, где сидит Соловей-разбойник на двенадцати дубах».

И пошел Илеюшко по дороженьке. И видит — идёт старик, и ведёт старик трёх лошадей на базар продать. И вот он спрашивает цену первой лошади: «Сколько стоит, дедушко, первая лошадь?» Отвечает старик: «Тыщу рублей». — «Ну, сколько стоит у ты вторая лошадь?» — «Вторая лошадь моя — две тыщи рублей». — «А сколько стоит третья твоя лошадь, она худенькая?» — «Этой лошади даже и цены нет. Потому она худенькая, что даже и не доросла». — «Ну, продай ее, я подрошу её». — «Коли хошь купить, доброй молодец, ну, продам её, только стоит она очень дорого». Не считался Илеюшко с денежками и сказал таково слово: «Но скажи ты мне, дедушко, правду-истину, сколько она будет стоить?» — «Ну, отдам тебе, коли нужно. А отдам тебе за десять тысяч с половиною».

И подает Илеюшко денёжки и берет себе эту лошадку лохматую. И уводит в свой дом и начинает ей кормить целый годик и катать ей в росы. А когда он вырастил ее до возраста до полного, тогда он пришел к отцу, к матери и сказал таковы слова: «Ну, теперь, отец с матушкой, пустите меня, добра молодца Илью Муромца, я поеду ко гробу господнему, ко гробу господнему поклониться, мне нужно исполнить заповедь каличию, то заказывали калики перехожие». Тогда отец с матерью заплакали: «Ты поедешь дорогой прямоезжею, увидишь там Соловья-разбойника, он убьёт тебя и не оставит даже на помины». То сказал Илья Муромец: «То отец ты мой, родна матушка, вы не думайте о мне, добром молодце, мне не писана смерть в чистом поле».

И распротился он с отцом, с матерью. Отец с матушкой прирасплакались. И сажился Илеюшко на добра коня и пустил его в путь-дороженьку. И наехал он на шайку разбойников. Задержала его шайка разбойников и стала его ценить и выпрашивать: «Ты скажи-ко теперь, доброй молодец, кто ты есть да откулёшной?» — «А что вы, воры-разбойнички, думаете что с меня взять, с добра молодца?» Оценили они очень дорого. «Доброй конь твой — цены нет; цвет кафтан твой — десять тысяч рублей. И вот, друзья мы, разбойнички, оберём у него цвет кафтан, отнимем у него добра коня, а ёму отрубим буйну голову». Сказал им Илья таковы слова: «Уж вы воры-разбойнички, отпустите меня на все на четыре на стороны. Вам не след ссориться с Ильей Муромцем. Я кровавить меча не стану до тех пор, пока не приеду во Киев-град поклониться гробу господнѐму». И говорит Илья Муромец еще им, разбойникам, таковы слова: «Отойдите от меня честью, отпустите меня, добра молодца». Но они этого не пытаются, зарядили своё. Тогда Илья Муромец берет стрелоцку калѐную и спустил стрелоцку в разбойников, их не оставил и на семена.

Поехал Илья Муромец дальше в путь. Видит: войска громадные стоят; подъезжает к войскам и спрашивает: «Кто эти войска побивает здесь?» Отвечает князь один ёму. «Ох, ты есть богатырь незнающий, кабы ты нам помог войски побить, я бы отплатил не знаю чем. А уж привел войска последние, больше нет у меня, и возьмет меня тепереча себе в плен». Тогда отвечает Илья Муромец: «Уж я окровавил мец свой». И спустил стрелу на противника. Как спустил он только, тут смешалась вся земля евонная и ёго противника.

И поехал Илья Муромец дальше. Тут не спрашивал никакого вознагражденьица, стал спешиться в Киев-град, попасть ёму к заутрени, а не к заутрени, то хоть в обёденки. Так он едет опять путем-дорогою и видит Соловья-разбойника. Сидит он на двенадцати дубах. Засвистал Соловей по-соловьиному, закричал зверь по-звериному, залаяла собака по-собачьёму — на все двенадцать голосов. Ёго доброй конь на колени пал, заговорил он своёму доброму коню: «Эх, ты, волчья шерсть, травяной мешок, не слышал ты свисту соловьиного иль не слышал ты граю вороньего? Как грает ворон на святой Руси, так же и Соловей поет». Зарядил он калену стрелу и спустил Соловью-разбойнику прямо в правой глаз. И упал Соловей на сыру землю.

Подъезжает Илья Муромец, сын Иванович, приковал он Соловья ко стременам, поехал дальше и идет к двору Соловьиному, где сидела жена и сын его. И сын матери и говорит теперь: «Ну, смотри-ко, мама, отец мужика ведет, мужика ведет да деревенщину». Посмотрела мать и сказала сыну: «Нет, сын, не отец мужика ведет, а мужик отца ведет». Не стерпел сын, сказал матери: «Я убью ёго теперечу». — «Нет, сын, уж коль отец не убил, то и тебе не убить, надо просить его с честью, с милостью, чтобы оставил дома ёго в покое. А спустить ёго во двор, да поить, кормить, да просить милостью».

Потом открылись широкие ворота, и запускали Илью Муромца, встречали ёго с поклонами. Заехал Илья Муромец на широкой двор, просила ёго жена Соловья-разбойника: «Ты скажи-ко, доброй молодец, кто ты есть, и оставь Соловья-разбойника дома здесь. И бери с нёго выкуп, какой желаешь себе». То сказал им Илья Муромец: «Не оставлю ёго у вас здесь, свезу ёго во Киев-град: почему дорогу загородил прямоезжую». И повернул с широка двора прямо в Киев-град. Не стерпел сын и сказал: «Подниму воротницу триста пудов и ударю этого добра молодца». Так и сделал — ударил Илью Муромца воротницёй. Но Илья Муромец не заметил, не трёснул ёго стальной шишак. И поехал Илья Муромец в путь-дороженьку. Когда выехал, призадумался: «Ну уж не хотел меча я кровавить-то, ну еще спущу калену стрелу». И спустил на этот двор калену стрелу, заметало землёй все ёго жительство. И поехал Илья

Муромец дальше. Приезжает теперь он во Киев-град и как раз успел к обедёнке. Вот послушал он обедню всю до конца, а стоял у обедни Владимир Красно Солнышко, всё смотрел на богатыря незнаема и пригласил ёго на почётной пир. Вот сидел Илья Муромец на почётном пиру, подавали ему чару зелена вина, зелена вина — полтора ведра. Брал молодец на одну руку, выпивал молодой на единый дух. Богатыри друг на дружку оглянулись, оглянулись — усмехну-лись. Тогда заговорил Владимир Красно Солнышко: «Ну-ко, ты скажи, молодец, ты откулёшной, какого ты роду есть, какой племени да как тебя звать?» — «Меня зовут Илья Муромец, Илья Муромец, сын Иванович. Из города я есть из Муромля, из села я есть Карачарова». — «Ты скажи, доброй молодец, какой ты дорогой ехал во Киев-град, в како время выехал со двора своёго?»- «Ты Владимир есть Красно Солнышко, ехал я дорогой прямоезжею, ехал я три дня».

То не поверил Владимир Красно Солнышко и все князья-бояры: «Что не может быть, что ты ехал дорогой прямоезжею, той дорогой тридцать лет никто не ездит». Заговорили богатыри могучие, Олещенька Поповиц, Самсон Колупаевиц, Добрынюшка Никитинец: «Что врет теперь доброй молодец Илья Муромец, сын Иванович». — «А коль не верите, пойдем на широкий двор, то увидите вы всю правду-истину». И все пошли на широкий двор, и вышел Владимир Красно Солнышко. Подошел Илья Муромец ко своему коню, отковал Соловья-разбойника от стремён своих и сказал Соловью таковы слова: «Ну, Соловей, пропой вполсвиста по-соловьиному, вполголоса прокричи по-звериному, вполлая пролай по-собачьёму, чтобы убедились все князья-бояра, узнал Владимир Красно Солнышко, кто ты есть такой». Засвистал Соловей по-соловьиному в полной голос, закричал, зверь, по-звериному и залаял, собака, по-собачьему в полный голос. Тут пали все князья-бояра наземь, упал и Владимир Красно Солнышко со своей Опраксой-королевичной, а богатыри все забегали со страху по двору. Тогда заговорил Владимир Красно Солнышко: «Уж ты есть богатырь Илья Муромец, уж ты уйми Соловья-разбойника, а то попадали мы все на землю, не слышали мы крику соловьиного, а то мы все погинём. Уж теперь верим мы, где ты ехал».

То вынимает Илья Муромец свой мец, отсекает у Соловья голову: «Ну, собака Соловей-разбойник, не послушал меня, закричал на все двенадцать голосов, то убью тебя топереча». И так отрубил у него буйну голову. И приходит снова на почётной пир. Вот тогда Владимир Красно Солнышко поил, кормил и дарить его стал. Подарил ёму шубу цветную и поил ёго, добра молодца, вином. Он пил только, колько хотел. Когда был Илья выпивши, то он волочил шубу по полу да приговаривал: «Кабы мне Калина-царя таскать, как эту шубу, за

жёлты кудри, то было бы очень хорошо!» А про это слуги на Илью наврали, что говорил: «Кабы мне таскать Владимира Красно Солнышко за жёлты кудри». То Владимир Красно Солнышко обиделся, призывает Илью Муромца и говорит ему таковы слова: «Уж ты есть богатырь Илья Муромец, уж я это слово тебе не прощу, ты хотел меня таскать за жёлты кудри, посажу я тебя за это в ямушку». И открыли ему яму тридцать сажен глубиною и шириною и засыпали жёлтым песком. И Илья Муромец не противился, шел в эту яму без разговорицу. А Опраксия-королевична сделала тунель в подземельё и кормила Илью Муромца все время, пока сидел Илья Муромец в ямушке. И прошло тому тридцать лет, всё сидел Илья Муромец в этой ямушке.

Вот узнал Калин-царь, что уж нет у Владимира богатырей потому что все богатыри разъехались, как посадили Илью Муромца в ямушку, — и пошел на Владимира Красно Солнышко войной, нагонил войска в Киёв-град столько, что не было где котла сварить, а под Киёв-град столько, что не было солнца видно, и еще было с ним несколько богатырей. И остался он под Киёв-градом. Вот Владимир Красно Солнышко и запечалился: «Нет у меня славного богатыря Ильи Муромца, нет у меня Олешеньки Попо-вица, нет и Добрынюшки Никитица, не знаю, куда они разъехались. Приходит, видно, конец Владимиру Красну Солнышку».

Тогда Опраксия-королевична ему и говорит: «Слушай ты, Владимир Красно Солнышко, отрой ты в ямушке Илью Муромца, ведь он живой теперь. Попросишь его, Илью Муромца, чтобы он шел в войну с Калин-царем». Тогда заговорил Владимир Красно Солнышко: «Что ты, баба, волос долог, ум короток, разве может жить человек без пищи, без питья тридцать лет?» Она ему говорит второй раз: «Уж ты сделай милость, отрой ямочку». То он опять ей говорит: «Слушай, баба, ты не жена мне была бы, то я велел у тебя голову срубить». То она опять: «Отрой ямочку, а я знаю. Илья еще жив сейчас».

Не стерпел Владимир Красно Солнышко, взял приказал отрыть ямочку и смотрит: стоит Илья у стола и читает святое евангельё, а сам седой уж стал. То стал просить ёго с поклонами: «Уж ты смилуйся, Илья Муромец, помоги, то пришел тут к нам Калин-царь, наступил под Киёв-град, уж ты выйди к нам на помогу». — «А слушай-ко, Владимир Красно Солнышко, я для тебя не пойду, Владимир Красно Солнышко, ни для тебя, Опраксия-королевична. А я пойду для сирот, для божьих церквей, что сиротушек все повыдавит, а божьи церкви все повыжигёт».

И стал Илеюшко из ямочки, поехал во чисто полё. Выехал в чисто полё, видит: шатер стоит, а в том шатре три брата: Олешенька Поповиц, Самсон Колупаевиц и Добрынюшка Никитинец. «Ставайте вы, братья, поедём на дело

ратное, на кровавое побоище, наступил теперь на нас Калин-царь». Вот ставали богатыри скорёшенько, садились на добрых коней и приехали во Киёв-град, ко тому ли к Владимиру Красну Солнышку. Тут заговорил Илья Муромец, сын Иванович: «Ну, робята, что поедём теперь к Калину-царю с подарками, попросить ёго, чтобы он дал нам три дня служить молебны с панифидами, а потом мы пойдём на дело ратное, на побоищё смёртное».

Тогда сразу он сказал Добрыне Никитичу. Добрыня Никитич отказался: «Я не смею, Илья Муромец, сын Иванович». И отказался Самсон Колупаевич и Олёша Поповиц. Тогда он сказал богатырям: «Ну, тогда дайте, я пойду».

И дает Владимир Красно Солнышко мису красна золота и вторую мису чиста серебра, чтобы он там дал три дня пропеть молитвы с панифидами, а потом пойдём на дело ратное, на побоищё смёртное. И так Илья Муромец отправился под Киёв-град. Приходит он к Калину-царю и говорит: «Ну, Калин-царь, вот я тебе подарок дам от Красна Солнышка: мису красна золота и чиста серебра, за то дам, чтоб ты нам дал три дня пропеть молебны с панифидами, а потом мы с тобой станём на дело ратно, на побоищ смртно».

Теперь заговорил Калин-царь: «Нет, доброй молодец, я не дам вам ни одной минуты. Я сюда не гулять пришел, не растешивать вашей милости, не ожидать вашего моленъица, сейчас же пойдём на дело ратное, на побоищё смёртное». Тогда заговорил Илья Муромец: «Ах, ты, собака Калин-царь, отойди от нашей святой Руси, а то не оставим тебя и на семена».

То вызывает он татар-богатырей, захватили Илью Муромца, обвязали его шелками богатыми и повели ёго на плаху убитую. И сам шел Калин-царь. И говорил Илье таковы слова: «Ах, ты, старой богатырь, скажи, кто ты есть, зачем ты выкинул слова дерзновенные. Вот скажешь про себя, отпущу тебя». Да шел, да изредка ёму в бороду тросткой потыкивал, да в глаза поплюивал. То он сказал, Илья Муромец: «Ах, ты, собака Калин-царь, не скажу я тебе ничего до тех пор, пока не сломяте моей буйной головы».

Привели Илью Муромца на плаху убитую, повалили на плаху убитую, и заговорил про себя Илья Муромец: «Верно, пришла смерть неписаная во чистом поле, коли говорили калики, что не будет тебе, Илья Муромец, смерть во чистом поле». Тогда Илье Муромцу силы прибавилось, хватил он в грудь одного татарина, то поднялся выше земли стоячей, выше облака ходячего, схватил одного татарина за ноги, начал им Илеюшко помахивать. Как в ту сторону вернет, — так валит их улками, в другую сторону махнет, — валит переулками. Ну, корепкой татарин, жилковатый, не сорвется. И убил Илья Муромец до одной души, ударил татарина о сыру землю. Осталась от татарина

только грязь да вода. И пришел во палаты белокаменны ко тому ко царю-Калину. Захватил ёго за жёлты кудри, открыл окно и бросил ёго на панель из палаты трехэтажные. От Калина-царя только грязь осталась. И пришел Илья к Владимиру Красну Солнышку, и сказал ёму таковы слова: «Дал прослужить молебны с панифидами три дня».

Вот прослужили молебны с панифидами и выступили под Киёв-град рать-сила великая и всё богатыри. А под Киёв-градом было силы столько, что солнце не пропекало, не было где котла сварить. Вот бились они целы сутки, и не было ни убыли, ни прибыли, все богатыри и Илья Муромец. Вот на вторые сутки немножко солнце стало пропёкаться, заговорили ему богатыри: «Слушай, Илья Муромец, сын Иванович, надо отдых сделать нам, добрым молодцам». Добавил Илья Муромец, сын Иванович: «До тех пор не будём отдых дёржать, пока не убуём до одной души».

Опять разъехались добры молодцы, стали силу бить по-старому. Вот и наехала на Добрыню Никитица баба Коломёнка, и они с ней сразились, ударились копьём долгомерным, — копыя пополам переломились. Ударились мечами, — мецы пополам переломились, ну друг друга с коней сбить не могли. Потом схватились рукопашкою. Возились они шесть часов. Подвернулась у Добрынюшки ноженька, упал Добрыня на сыру землю, и села баба Коломенка на белу грудь и спрашивает у Добрыни Никитица: «Ну, скажи-ко ты, доброй молодец, кто ты есть, чьёго роду, чьей племени и как тебя звать?» А он отвечает ей таковы слова: «Если я бы лёжал у тебя на белой груди, не спрашивал бы ни роду, ни племени, ни отца с матерью, колот бы брюхо до печени».

И вдруг едет Илья Муромец, сын Иванович: «Эй, мужик, грит, под бабой лёжишь?» — «Выручи, Илья Муромец, сын Иванович, видно, пришла Добрынюшке смерть в чистом поле». Отвечает ёму Илья Муромец: «Бей бабу по титькам, пихай под жопу, будёт баба мягче». И сам проехал дальше. Только и помог.

Постом спомнил заповедь Ильи Муромца. Стал бить по титькам, пихать под жопу и стал наверх. Потом уж не спрашивал у ней отца с матерью, а колот брюхо до печени и убил её насмерть. И сел он на добра коня с этого стыда, и поехал по крутой скалы, и видит, что корабль плывет, и бросился со скалы на этот корабль, а тот был не корабль, а просто скала, и убился насмерть со своим конем.

Побили братья все войско и стали ждать Добрыни Никитица, нигде ёго в войсках не нашли. И спомнил Илья Муромец, сын Иванович, что он лёжал под

бабою, нет ли ёго там. Поехал туда, приезжает, видит, что баба Коломёнка убита. «Ну, ни больше ни меньше, что брат наш поехал куда со стыда». Поехали дальше и видят, что лежит он на скале убитой. И поехали братья в Киев-град к Владимиру Красну Солнышку. Владимир Красно Солнышко очень обрадовался, и сделал почётной пир, и стал спрашивать: «Что где у вас, богатыри, Добрынюшка Никитинец?» То говорит ёму Илья Муромец, сын Иванович: «При войны бывают случаи, что кто-нибудь лёжит в чистом поле. Убит Добрынюшка или, вернее, не убит, а со стыда скончался, что лёжал под бабой Коломёнкой. Убил он ей, а потом со стыда бросился на скалу, и скончался наш Добрынюшка». Пожалел Владимир Красно Солнышко, да делать нечего.

Вот поил, кормил и хвалился има: «Ну, если не вы бы да Илья Муромец, то не быть бы нам на святой Руси, не оставил нас Калин-царь даже на помины».

Заговорил ёму Илья Муромец, сын Иванович: «Все-таки надо мне идти на святую Русь да посетить свою родину, увидеть отца с матерью, есть ли нет хоть и в живых. А вы, братья мои да товарищи, вы останьтесь у Владимира Красна Солнышка на охрану нашего отечества, до тех пор, пока я приду, не давайте ёго во обидушку».

И сам распростился с Владимиром Красным Солнышком, и пошел он в путь-дороженьку. Вот он пошел далеко, и подходит он уж к своёму селу, к своёму селу Карачарову. Приходит он в дом отецкой. Не было уж отца-матери — все они были примёрши. Отдал он дом этот нищим бедным каликам перехожим, роздал деньги всем поровну, сам отправился опять вперед. И вот встретился он с каликою с Иванищем с Деревенщиной, и начал у нёго он спрашивать: «Ты скажи-ко мне, Иванище Деревенщина, что у нас на Руси да деется, как живет Владимир Красно Солнышко? Ты ходишь по святой Руси, так знаешь все новости». — «Да, Илья Муромец, сын Иванович, на Руси хорошего нет теперь. Приступил к Владимиру Красну Солнышку Идолищё поганое. Владимир Красно Солнышко связан ко дубовому столу за шелков ремень, а с Опраксой-королевичной пьет, ест с одного стола. И спит он с ней на одной кровати, и держит руки в пазухи и ниже поясу».

Заговорил Илья Муромец: «Ты отдай мне, Иванище, эту свою клюшечку». — «Нет, не отдам». Вот Илья Муромец стал у него отнимать, они с ним возились три дня, некоторой некоторого победить не мог. Илья Муромец клюшечку не отнял. Рассердился Иванище Деревенщина, бросил клюшку в землю, улетела клюшка в землю сорок сажень, и пошел он дальше, не сказал Илье Муромцу ни одного слова. Илья Муромец на это не разгневался, начал землю рыть, рыл он

ровно три дня и достал эту ключечку. И пошел он с клюшкой пробираться в Киев-град.

Вот, конечно, он пришел теперь уж в Киев-град, под окно Владимира Красна Солнышка, и просит милостину Христа-ради: «Дай, Владимир Красно Солнышко, мне милостину».

Владимир Красно Солнышко, конечно, ничего не знает. Сидел Идолище поганое у окна, слышал каличий крик и позвал калику в избу. Приходит Илья в избу к Идолищу поганому, где сидела с ним Опракса-королевична. Вот когда пришел он к ней, она и спрашивает: «Ну, скажи, калика перехожая, ты много ходишь по святой Руси, ты знаешь, наверно, про Илью Муромца, какой он был богатырь, доброй молодец». — «Знать-то я его знаю, росту был как будто и я». — «Ну скажи теперь, калика перехожая, много ли он пил и ел, как он славился силой непомерною». — «У его выть была аккуратная, ел он всегда по калачику, а пил он всегда по стаканчику». — «Эх, не есть богатырь ваш был Илья Муромец. Вот я есть доброй молодец, — говорит ему Идолище поганое. — Я молодец удалой, вот у меня какая выть: я ем семь печей хлебов, три коровы ем за один обед, три ведра вина выпью, на закуску ем двенадцать гусей, запиваю ведром молока коровьего. Вот эта выть моя умеренна». — «А ты есть доброй молодец, у моего батюшки была корова такая же обжора, как и ты есть, много ела, пила, да и лопнула. Такой же конец и тебе будет, доброй молодец. Не смерть, а уж лопнешь», — сказал ему Илья Муромец.

Не понравилось Идолищу поганому, он схватил кинжал да и бросил в Илью Муромца. Но Илья Муромец увёртист был: отвернулся, конечно, Илья Муромец. Не попало, а ударило в стойку с дверьми, стойка с дверьми провалилась на улицу. Тогда видит он Владимира Красна Солнышка, связанного у ножки столовой, а питался он костями да объедками. «Уж ты слушай-ко, Владимир Красно Солнышко, дай-ко твою каменную палату белу окровавить теперь». Отвечает ему Владимир Красно Солнышко: «Делай, что хошь, калика доброхожая, власть уж не моя сейчас».

А Идолище сидел за столом, смотрел, что говорит калика перехожая. Тогда Илья Муромец, сын Ивановиц, ударил его клюшкой. Идолище вылетел на улицу с простенками. И отвязал Владимира Красна Солнышка от столовой ножки. И сказал ему таковы слова: «Вот я есть старой богатырь Илья Муромец, спас тебя, Владимира Красна Солнышка, и живи теперь в спокойе. Послежу я за тобой теперь. Еще тебе, Владимиру Красну Солнышку, будет много беды да напасти вперед. Ну, где твои богатыри: Олещенька Поповиц, Самсон Колупаевиц?» — «Мои богатыри испугались, уехали они из царства, не знаю где. Испугались они Идолища поганого». — «А почему мне не надо было,

Владимир Красно Солнышко, пугатися, надо было ёго уничтожить со земли». И так обрадовался Владимир Красно Солнышко, посадил за свой стол, угощал только чем было, приказал Опраксе-королевишне: «Кормить, поить да уговаривать, чтоб не ездил Илья Муромец. А уж я тебя, Опраксия-королевична, за то прощу, что жила с Идолищем поганим. Это было дело насильнѐе».

Отыскал Илья Муромец своего коня и поехал разыскивать богатырей. Вот он ездил, ездил, наконец, нашел во чистом поле шатер и сказал: «Ну, что же вы, братья-богатыри, так ли охраняете Владимира Красна Солнышка?» Но они сильнѐ перепугались, что Илья Муромец убьёт, но он ничего не убил, не наказал и сказал: «Ну, теперь поедem к Владимиру Красну Солнышку».

Когда приехали, то Илья Муромец положил Олѐшу Поповица на охрану города и дежурить, какие проезжающие богатыри будут. Вот он стоял, все охранял и вдруг приезжает богатырь, такой большой, что Олѐша Поповиц со страху испугался. На правом плече ясной голубь был, на левом ясной сокол, и кричал поединщика. Олѐша Поповиц так перепугался, прибежал сказывать Илье Муромцу. Илья Муромец ёму и говорит: «Почему ж ты не выехал с ним на поединок? Ты бы выехал и скрикнул, если ёго конь падёт на коленки, то поезжай смело, уж если не падёт, то не выѐзжай». И так он отправил ёго на пробу. Отказаться Олѐшенька Поповиц не смел. Когда выехал, скрикнул по-богатырски, ну, конь ёго не почувствовал. Повернул и Олѐшенька Поповиц, поскакал обратно к городу: «Ну, Илья Муромец, я не смел поехать на нѐго. Скрикнул, — конь повернул на меня, и я поехал обратно». — «Ну, ладно, тогда я поеду, старой богатырь Илья Муромец».

Вот и выехал Илья Муромец, сын Иванович. Скрикнул, — конь у него и пошатнулся. Съехались они, ударились копьями: копыя пополам переломились, но никоторый никоторого не мог из седла вышибить. Мечами ударились: мечи пополам переломились. Потом схватились рукопашкою, этот богатырь послал с левого плеча голубя матери: «Нашел в поле поединщика, не знаю, справлюсь ли, нет?» Вот они возились с Ильей Муромцѐм целые сутки, никоторой никоторого не может победить. Вот он посылает с правого плеча ясна сокола: «Нашел в поле поединщика, мама, ну, не справиться».

Тогда все-таки Илья Муромец ёго свѐрнул, берет нож, распорол брюхо до печени, сам сел на коня и уехал. Вот приехал домой, а теперь поставил Самсона Колупаевица: «Вот теперь дежурь город, мало ли кто придѐт, скажешь».

Вот в одно прекрасное время приезжает богатырь. Богатырь был Сокольник-раскольник. Конь у богатыря был, как сильная буря; богатырь был, как сильная туча. Богатырей ничем считал, а Красное Солнышко смехом вёл. Вот и приезжает Самсон Колупаевич к Илье Муромцу, рассказал, что видел. Илья и говорит: «Эх вы, богатыри, не смеее выехать на богатырей, какие же вы богатыри, надь опять выехать старому Илье Муромцу». Когда выехал Илья Муромец на него, скрикнул, — конь на него поворотил. Съехались они, ударили копьем, — копы переломились; ударились мечом, — мечи переломились. Никоторой никоторого победить не может. Засмеялся богатырь, схватился с Ильей рукопашкою. Возились, возились они целы сутки, — никоторой никоторого победить не может. На вторы сутки подвернулась у Илеюшки ноженька, — богатырь на него. Сидит на груди и спрашивает: «Эх ты, стар богатырь, ну удалый был, ты скажи-ко, как тебя звать, какого роду, какой племени?» Говорит Илья ему на ответ: «Кабы я у тя, доброй молодец, сидел на груди, не спрашивал ни роду, ни племени, колот бы брюхо до печени». А он его всё спрашивает: «Ты скажи, скалки, доброй молодец, не убью тебя, побратаемся». А Илья ему ничего не говорит, только так промеж себя сказал: «Верно, пришла Илье смерть неписаная во чистом поле».

Тогда Илье сила прибавилась непомерная. Ударил он в грудь богатыря кулаком, и он поднялся выше лесу стоячего, ниже облака ходячего и упал о камень, рассыпался на мелкие дребезги. А Илья Муромец стал на добра коня, поехал к Владимиру Красну Солнышку. Владимир Красно Солнышко обрадел, собрал почестной пир, собрал богатырей на пир. И говорит Илья Муромец: «Ну, Владимир Красно Солнышко, теперь я поеду к брату старшему, к тому ли Святогору богатырю. А вы оставайтесь да царствуйте, поминайте Илью, да не увидите». И говорит еще братьям Самсону Колупаевичу да Олёше Поповицу: «А вы, братья, не пугайтесь, не разъезжайтесь, охраняйте Владимира Красна Солнышка».

И так распростился он с Владимиром Красным Солнышком, с братьями, сел на добра коня и поехал. Вот приехал он к крутой горы, начал ставать в гору, конечно, и поднялся; поднялся, увидал — шатер стоит. Заехал к шатру, — конь стоит богатырской, как сильная гора: «Никто больше, как здесь Святогор».

Поставил своего коня, заходит в шатер; заходит, видит — Святогор богатырь спит с женой. Будить он не стал; делать ему нечего, и сам повалился спать. Вдруг стала Святогора-богатыря жена, улыбнулась, вышла из шатра, взяла мешок и спустила в мешок Илью Муромца и коня. И сунула мешок Святогору-богатырю в карман. Когда стал Святогор-богатырь, нужно ему было ехать, говорит жене: «Ну, поедём на третью гору». Сели на лошадей и

поехали. Лошадь поднялась в первую и вторую гору, а на третью и подняться не может. Вот он и говорит ей: «Ну, что ж ты, волчья шерсть, травяной мешок, раньше скакала с горы на гору, а теперь и поднять не можешь?» Она и заговорила человеческим голосом: «Раньше я носила богатыря и богатырскую жену, а теперь несу двух богатырей, и богатырского коня. Богатырь хоть не супротив тебя, и конь не супротив меня». — «А где же они?» — спрашивает. «А посмотри у себя в кармане».

А Илья спал и ничего не чувствовал. И вот он сунул, протянул руку в карман, и вытряс Илью с конём, и спросил жену: «А как он мне попал в карман?» — «А я, грит, клала ёго». Взял он жену, конечно, и убил, и стал Илью Муромца спрашивать: «Какого ты роду, какой племени и как звать тебя?» Он ёму и начал: «Я есть Илья Муромец, сын Иванович, посмотреть мне тебя захотелось». — «Ну, ладно, коли так пришлось, то побыть у меня, и будь ты меньшим братом, а я буду старшим, и поедем с горы на горы».

Сели они на коней и поехали. Прискакали на одну гору, и стоит на горы гроб, и был открытой этот гроб. Ну, он был слишком большой. Вот и говорит Святогор-богатырь Илье Муромцу: «Ну-ка, Илья Муромец, применись к гробу, по тебе ли он будет?» Илья Муромец повалился в гроб и не хватают ни руки, ни ноги. «Нет, Святогор-богатырь, этот гроб не по мне. Нас таких войдет десятками в этот гроб». Потом слез с коня Святогор-богатырь, повалился в гроб. Как повалился, крышка закрылась, и Святогор-богатырь подняться не может. Потом заговорил Святогор-богатырь: «Бей мечом, расколи, я не хочу умирать». Как ударил по гробу, покрылся гроб обручем. То заговорил Святогор-богатырь: «Возьми мой меч да ударь, твой лёгок». Тогда он берет ёго меч, захватил, поднять не может, сам по колено в землю ушел: «Нет, Святогор-богатырь, я твой меч поднять не могу». — «Ну, прислонись ко мне, я силу дам».

Вотдохнул он на нём, у Ильи силы прибавилось, взял он меч, как ударит им по гробу, то опять сделалась железная полоса. Тогда опять Святогор-богатырь говорит: «Припади еще раз, я опять силы дам, ударь тепереч крышка и рассыплется». — «Нет, я второй раз не припаду, ударить я ударю». — Потом Святогор-богатырь ёму заговорил: «Ну, ударяй, не ударяй, все равно я уже начинаю колеть. Хорошо, что не припал, я бы тебе земляным духом дал, тебе бы тут и живым не быть. А мне уж здесь смерть. Привяжи моего коня ко гробу, им никому не владеть, и мой меч оставь тут». Потом распростился Илья Муромец с Святогором-богатырем, и тот тут умер, а он поехал вперед. И вот подъезжает он ко второму гробу и сказал: «Ну, наверно, это моя смерть, уж коль умёр Святогор-богатырь, то, наверно, и я умру».

И он сошел с коня, привязал к гробу, зашел в гроб, крышка закрылась, и Илья кончился.